



Петербург в поэзии Серебряного века

© Л. Н. АВДОНИНА

В русской поэзии Петербург представлен, с одной стороны, как светло-прозрачный космос, а с другой – темно-призрачный хаос. В изображении города идеальное, гармоничное, возвышенное смешивается, переплетаясь, с туманами, видениями, тенями. В начале XX века “Петра творенье” становится прекрасной легендой, а петербургский миф превращается в фантастический вымысел или сонные грезы. Не случайно Н. Агнивцев писал: “Как явь вплелись в твои туманы / Виденья двухсотлетних снов, – / О, самый призрачный и странный / Из всех российских городов!” (Цит. по: Петербург в русской поэзии (XVIII – нач. XX века): Поэтическая антология Л., 1988. С. 366, далее указаны только стр.) Петербургские миражи – одна из интереснейших тем в поэзии Серебряного века.

Знаковый символ Санкт-Петербурга – Нева. Для Б. Пастернака она словно живое существо ведет себя во время наводнения: “Тучи, как волосы, встали дыбом / Над дымной, бледной Невою” (320). У М. Зенкевича Нева “смущенная”, “с влагой побуревшей и чугунной” (286). За *чугунной влагой* реки чувствуется огромная сила, но, испугавшись силы более грозной, “бьет Нева смущенная отбой” (286). Итак, Нева видится М. Зенкевичу темной, и это не только указание на цвет: она способна проявить характер, быть неукротимой или отступить, подчинившись власти роковых сил.

Белой ночью воздушная мгла преображает и Неву: теперь это, как пишет М. Моравская, “Великое невское море / Вне граней и вне государств, / Малиново-сизое море, / Дымное, бледное, сонное” (312). Это чудо недолгое, возникающее только в белую ночь. “Радужно-сизый туман” окутывает город, в призрачной дымке едва различимы ажурные тени “чудного восточного храма”, “узкие башни-мечети”, “шпиль, улетающий в небо розовой тонкой стрелой”, хрупкие видения “фиалковых гор” (312). Но есть и другая Нева белой ночью: у М. Лозинского она “пепельно-нежная” (288). Тени, “незримая в воздухе ночь”, зеркальные каналы – все это делает Петербург местом видений и фантазий.

По-набоковски изысканно и утонченно описаны невские воды, “где созвездья тонут в лучистых трелях”, “Полуволны плещут, гранит лас-

кая; / Золотые змейки дрожат в качелях / Фиолетово-черной воды” (317). Великолепные, неповторимые образы волн в отблесках ночных фонарей – *золотые змейки, лучистые трели, качели!* Поэтические сравнения, взятые из мира природы и человека, делают холодную северную реку не только лучезарной, светящейся, но и ласковой и теплой. Однако цвет остается черным, правда, с очень редким и, пожалуй, единственный раз встречающимся в описании Невы оттенком: фиолетовым. А вот для лирического героя А. Лозина-Лозинского Нева отличается “блеском вод из вороненой стали” (302) – так выглядит река ночью, когда волшебные тени окутывают город, сливаются берега, становясь неразличимыми.

“Луны серебряный закат / Сменяют отблески зари”, и перед лирическим героем Г. Иванова Нева предстает “дымно-розовой” (300). Вот “На серых волнах царственной реки / Все розовой серебряная пена” (301). Солнце даже серые, сумрачные волны окрашивает нежным розовым цветом. Г. Иванов никогда не покидает “прикосновенье Музы”, и, когда сливается “с действительностью легкая мечта” (299), в душе наступает гармония: золотом светит осенний вечер над Невою, блестит серебром колонна на Дворцовой площади в морозные зимние дни, отливает серебром пена на реке весенним утром.

Но для лирического героя Н. Гумилева весенняя Нева изменчива и может “легко стать снова мрачной” (293). Страстный мечтатель, он совершает путешествия в мир грез и фантазий, спасаясь от скуки обыденного существования. Стремление к экзотике (Н. Гумилев несколько раз совершал путешествие в Африку) нашло отражение и в данном стихотворении: “Зеленые, как медный яд, / С ужасным шелестом змеиным” (293) наползают друг на друга весенние льдины. В. Княжнин в начале мая, тоже весной, увидел Неву “сапфирной”. Может быть, синева небес тому причина, или “день золотой, благоуханный”, или “Летний сад, голубоватый и туманный” (276).

Петербургская весна О. Мандельштама прозрачна и холодна, и, несмотря на то что Петрополь одевается “в зеленый пух”, “невская волна”, “как медуза”, напоминает “тяжелый изумруд” (291). Автомобили-“светляки” мчатся по набережной северной реки, “мерцают звезд булавки золотые”, волны-медузы, светлые и внушающие “отвращенье легкое” (291), тяжело разбиваясь о гранит, отливают волшебным изумрудом.

Обратимся к “архитектурному пейзажу” Петербурга. Вот скульптурная группа “Укрощение коня” П.К. Клодта на Аничковом мосту. Молодой и еще никому не известный И. Бунин в наступающих зимних сумерках замечает, как “на мосту, с дыбящего коня / И бронзового юноши нагого, / Повисшего у диких конских ног, / Дымились клочья праха снегового...” (234). В каждой скульптурной группе отражена борьба неравных сил, символически выражающих торжество духа над

бездуховной плотью. У В. Нарбута “Четыре черных и громоздких, / Неукрошенных жеребца” (297) цепенеют перед Петром Великим – так человек побеждает дикую природу. Рвущихся на свободу могучих коней (жеребцов у В. Нарбута) укрощают юноши. Стихийные силы природы в образах “ужаленных коней” со звериными мускулами возникают в тексте Б. Лившица (307). В стихотворении А. Блока “Статуя” читаем: “Лошадь влекли под уздцы на чугунный / Мост. Под копытом чернела вода. / Лошадь храпела, и воздух безлунный / Храп сохранял на мосту навсегда” (242). Для поэта важны “песни воды и хрипящие звуки” лошади (242), в которых проявляется блоковская музыкальная сущность мира.

Загадочный и грозный символ Петербурга – памятник Петру I работы Э. Фальконе, установленный на Сенатской площади в Петербурге, вдохновил А. Блока на стихотворение “Петр” (243) – это настоящая ночная мистерия, перед нами уже не памятник, а “веселый царь”, который “взмахнул зловонное кадило” и превратился в демона. После мрачной ночной фантазмагии Петр снова становится памятником и рыцарем Петербурга: “Он будет город свой беречь, / И, заалев перед денницей, / В руке простертой вспыхнет меч / Над затихающей столицей”. Памятники всегда стоят, но Медный всадник у Брюсова “исступленно скачет” (241), летит на коне в вечность (238). “Медное скаканье” и “тяжкий топот” как олицетворение “медноскользящего Гнева” слышит и лирический герой В. Иванова (236).

В городе туманов и миражей все призрачно. Вот лирический герой И. Бунина, проснувшись в сумрачное утро, увидел в занесенное снегом окно, что “смуглым золотом Исакий / Смотрит дивно и темно”, “крест ушел в густую мглу” (233). А лирическая героиня А. Ахматовой видит “вновь Исакий в облаченьи / Из литого серебра” (294).

У В. Брюсова читаем: “В морозном тумане белеет Исакий” (237). Северный город изображен поэтом “как призрак туманный”, даже днем – полумрак: “Мы, люди, проходим, как тени во сне” (238).

Петербург, “внесенный Словом над Невой”,

для поэтов Серебряного века навеки остался городом тайн и видений.

Пенза